

A man and a woman are featured in a modern interior setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a black turtleneck. The woman, on the right, has her hair in a bun and is also wearing a black turtleneck. They are both looking towards the camera. The background shows a room with large windows and red lighting accents.

Arya Qui

ИЗМЕНА

Детский психолог

Asya Qui

Измена. Детский психолог

<https://litres.ru/74206518>

Аннотация

Звук. Сначала я думаю, что кто-то забыл выключить телевизор. Женский смех. Высокий, грудной, перетекающий в протяжный, откровенный стон. Затем мужской рык. Низкий. С этой характерной хрипотцой, от которой у меня обычно мурашки бегут по позвоночнику.

В желудке мгновенно образуется ледяная пустота. Порно. Он просто смотрит порно. Забыл подключить свои чертовы наушники. Опять. Но акустика бьет по ушам реальностью. Это не из динамиков. Это из нашей гостиной.

Содержание

Глава 1. Наш ребёнок	4
Глава 2. Предложение	8
Глава 3. Трусиха	12
Глава 4. Уходя - уходи	16
Глава 5. Хорошего дня	20
Глава 6. Прыжок в неизвестность	25
Глава 7. Сложный ребёнок?	29
Глава 8. Взрыв	34
Глава 9. Осмотр территории	39
Глава 10. Несгибаемая	44
Глава 11. Утро добрым не бывает	47
Глава 12. Прогулка?	51
Глава 13. Незванные гости	56
Глава 14. Не твоя забота	61
Глава 15. Сеанс	65
Глава 16. Три дня тишины	71
Глава 17. Должна же я его зацепить!	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1. Наш ребёнок

Связка ключей выскальзывает из потных пальцев. Звон металла о керамогранит в тишине прихожей кажется оглушительным. Наклоняюсь, слепо шаря рукой по полу, и замираю.

Звук. Сначала я думаю, что кто-то забыл выключить телевизор. Женский смех. Высокий, грудной, перетекающий в протяжный, откровенный стон. Затем мужской рык. Низкий. С этой характерной хрипотцой, от которой у меня обычно мурашки бегут по позвоночнику.

В желудке мгновенно образуется ледяная пустота. Порно. Он просто смотрит порно. Забыл подключить свои чертовы наушники. Опять. Но акустика бьет по ушам реальностью. Это не из динамиков. Это из нашей гостиной.

Ноги двигаются сами. Спазм стягивает горло так, что не сглотнуть. Я знаю, что там увижу. Физически чувствую, но всё равно делаю шаг. Еще один.

Останавливаюсь в тени арочного проема.

Серый диван. Тот самый, из-за которого мы ругались. Я просила бежевый, уютный. Дима уперся: «Серый практичнее, Лин. Пятен не видно». Блестящий выбор, Димочка. Идеальный полигон, чтобы трахать на нем чужую бабу.

Они не смотрят в сторону коридора. Им вообще не до того. Дима откинулся на подушки, раскинув руки, словно грё-

баный падишах. А она скачет сверху. Лицом к нему.

Дешёвый шелковый топ задран до самой шеи, кружевные трусы болтаются на одной ноге. Пальцы Димы с силой вжимаются в её бедра. Кожа там краснеет, а под подушечками его пальцев остаются белые вмятины.

И этот звук. Шлепки влажного тела о тело. Сбивчивое дыхание. Меня сейчас просто вырвет прямо на ламинат.

— Ох, блин... — блондинка выгибает спину, запрокидывая голову. — Я уж думала, ты так и будешь до пенсии тянуть эту резину со своей... Линочкой.

Линочкой. Она произносит моё имя так, будто это кусок грязи на её туфлях. Ногти сами впиваются в ладони. Сильно. До боли. Под кожей становится мокро — кажется, пробилась до крови.

— Я же обещал, что закрою этот вопрос, — Дима хрипит, притягивая её за шею для поцелуя. Жадного, с языком и чавканьем. — Всё. С ней вопрос решен.

Решен. Окей. Уведомление получено. А я, идиотка, последние пару месяцев глотала успокоительные, думала: «У Димы стресс на работе, надо быть мягче, надо поддерживать».

— Точно? — девица отстраняется, игриво кусая его за нижнюю губу. — А то я уж боялась, вы там ляльку заделаете, пока я жду. Ты же жаловался, что она помешалась на этих своих тестах и графиках.

В ушах начинает тонко, противно звенеть. Стены коридо-

ра плывут. Графики. Тесты. Это было наше. Только наше. Два года унижительных процедур, походов по врачам с раздвинутыми ногами, уколов в живот. Два года, когда я плакала над пустой белой полоской в туалете, а он стоял за дверью и говорил: «Ничего, малыш, попробуем еще». А он, оказывается, обсуждал это с ней? Жаловался? Трепался в постели после секса?

— Там пустой номер, — Дима издает смешок. — Врачиха сказала, шансов ноль. Бракованная попалась. Что с нее взять.

Бракованная. Желудок делает кульбит, к горлу подкатывает едкая кислота.

— Ну и хрен с ней, — блондинка перестает двигаться и демонстративно, с нежностью гладит себя по абсолютно плоскому животу. — Зато мой аппарат работает как часы, да, Дим? Наш пупсик там уже растет.

Колени подкашиваются. Хватаюсь за дверной косяк, сдирая маникюр о шершавые обои. Беременна. Пока я жрала горстями фолиевую кислоту, высчитывала дни овуляции по приложению и стояла в березке после секса, он заделывал ребенка другой.

— Наша настоящая семья, — Дима накрывает ее ладонь своей. Гладит живот. Потом переносит руку на ее грудь, сжимая сосок. — Иди ко мне.

— Пошли на кровать? — она мурлычет, переходя на влажный шепот. — Коленки стерла.

— Оставайся. Эта дура на своей работе до ночи торчит.

Можем хоть раком на кухонном столе.

Тело отключается от мозга. Включается автопилот. Разворачиваюсь на негнувшихся ногах. В прихожей делаю шаг к входной двери. Сумка на плече. Связка ключей так и валяется на полу — даже не наклоняюсь за ней. Пусть подавятся. Механически поворачиваю внутренний замок. Ни звука. Тяну дверь на себя. Закрываю. Тихо. Стерильно. Чтобы не спугнуть их «настоящую семью».

В подъезде невыносимо воняет старым мусоропроводом и дешевым табаком. Приваливаюсь спиной к грязной бетонной стене. Холод проникает сквозь тонкую ткань блузки прямо в позвоночник, студит горящий затылок.

Пытаюсь вдохнуть. Не выходит. Воздух застревает в легких колючим комком. Вдох. Давай же, Ангелина. Вдох. Ничего. Только пульсирующая пустота в груди и дикий звон в ушах.

Глава 2. Предложение

Колеса шуршат по асфальту МКАДа, а в голове — гудящий улей. Куда я гоню?

К матери? Ага, блестящая идея. Стоит переступить порог её однушки, как начнется концерт по заявкам: «А я говорила, Геля! Я же предупреждала!». И следом — длинный список всех тех звоночков, которые я четыре года старательно не замечала. Как он заставил меня удалить все соцсети, потому что «нечего чужим мужикам на тебя пялиться». Как вышвырнул в мусорку половину моего гардероба за «слишком блядский» крой. Он не защищал меня. Он строил для меня клетку. А я сама приносила ему прутья.

К Светке? Тоже мимо. У нее один протокол лечения на все случаи жизни: литр текилы, душный клуб и первый попавшийся парень в туалете, чтобы «вышибить клин». Нет уж. Меня и так выворачивает наизнанку, только чужих потных рук на моей талии сейчас не хватало.

Руль сам выруливает на знакомую парковку. Детский центр. Моя работа. 16:00. Самый разгар смены, с которой я отпросилась, чтобы устроить любимому «сюрприз». Сюрприз удался. Десять из десяти.

Бью кулаком по ободу руля. Больно. Костяшки сразу начинают саднить.

Вываливаюсь из машины. Ноги ватные. Центр встреча-

ет привычным запахом хлорки, детских мелков и мандаринов. В коридоре пусто, только уборщица тетя Клава елозит шваброй по линолеуму.

— Ангелина Александровна? — она замирает, выпучив глаза. — А вы ж вроде ушли уже?

— Забыла кое-какие документы, тетя Клав, — бросаю на ходу, стараясь не открывать рот слишком широко, чтобы не сорваться на вой.

Влетаю в свой кабинет и с силой проворачиваю замок. Щелчок. Моя крепость. Мягкие кресла-мешки, цветные карандаши, игрушки для песочной терапии. Здесь всё такое понятное. Нормальное. Безопасное. Сползаю по двери на пол.

Где я буду спать? Квартира — его. Официально куплена до меня. Я там жила на птичьих правах, даже без временной прописки. Сколько у меня на карте? Тысяч пятнадцать? Этого хватит на пару ночей в дешевом хостеле. А дальше?

БАМ! Дверь за моей спиной содрогается от мощного удара. С полки летит пластиковый кубик. Я подскакиваю на ноги, внутренности сжимаются в ледяной комок. Ручка дергается. Еще один удар — и хлипкий замок просто вылетает с мясом. Дверь распаивается.

В проеме стоит мужик. Огромный. Под метр девяносто, плечи еле вписываются в ширину косяка. В дорогом кашемировом пальто, которое кричит о деньгах громче, чем любой ценник. Он заходит, не спрашивая разрешения, и грузно

опускается в кресло для родителей.

— Вы вообще кто такой? — голос предательски дает петуха, но я стараюсь стоять ровно. — И стучаться вас не учили?

Мужик даже не моргает. Молча лезет во внутренний карман, достает визитницу и швыряет на мой стол прямоугольник плотной матовой бумаги с золотым тиснением.

— Орлов Олег Григорьевич, — чеканит он низким, вибрирующим голосом. — Почему не на смене? По моим данным, у вас график до шести.

Какого хрена?

— Я взяла отгул. И отчитываться перед посторонними не обязана, — скрещиваю руки на груди, пытаюсь унять дрожь. — Если вам нужна консультация, идите на ресепшен.

Он кривит губы. Словно я сморозила невероятную глупость.

— Мне не нужны ваши стандартные пятнадцатиминутные беседы, Ангелина Александровна. Мне нужен специалист для сына. С полным погружением. Круглосуточно. Переедете в мой загородный дом.

Смотрю на него, как на сумасшедшего.

— Я не работаю сиделкой. И уж тем более не переезжаю к клиентам. У меня тут пациенты, расписание...

— Ваши пациенты меня не интересуют, — жестко обрывает Орлов. Тон такой, что спорить физически тяжело. — Мой случай — не для детского сада с карандашами. Мне нужен человек, который будет дышать проблемами моего сына

двадцать четыре на семь. Никаких отвлечений.

В голове воеет сирена. Чужой дом. Левый мужик. Полная изоляция от внешнего мира. Это звучит как начало дешевого триллера. Но... мне негде жить. У меня пятнадцать тысяч на счету.

— И сколько вы платите за этот... эксклюзив? — выплевываю вопрос, стараясь звучать так же цинично.

— Двести тысяч, — он даже не задумывается. — Каждые две недели.

Челюсть отпадает сама собой. Четыреста тысяч в месяц? Да за такие деньги можно нанять целую бригаду швейцарских психиатров. Насколько там всё плохо? Аутизм тяжелой формы? Психопатия?

Орлов поднимается. Снова заполняет собой всё пространство кабинета.

— Срок — месяца два-три. Всю свою личную жизнь на это время стираете. Никаких парней, подружек и отгулов.

Он идет к двери. У сломанного косяка останавливается и бросает через плечо:

— Жду вашего звонка до завтрашнего вечера.

И выходит, оставляя меня таращиться в пустоту.

Глава 3. Трусиха

Вибрация прошивает столешницу. Мелкая, противная дрожь отдается в локтях. На экране светится имя: «Дима».

Палец висит в миллиметре от зеленой трубки. Сбросить? Выключить телефон? Швырнуть этот кусок пластика в стену так, чтобы стекло брызнуло во все стороны? Идиотка.

Свайп вправо.

— Да.

— Ангелина, ты куда пропала? — тон спокойный. Будничный. Словно он не засаживал час назад по самые гланды другой бабе на нашей мебели.

Дыхание спирает. Горло сжимается. Вдох-выдох. Держись.

— Задержалась. Отчеты.

— Долго там еще торчать будешь? Я проголодался, — в голосе скользит капризная, требовательная нотка. — Жду тебя. Давай быстрее.

Домой. Куда домой? В квартиру, которая провоняла чужими духами и сексом?

— Скоро выезжаю, — выдавливаю и жму отбой.

Трубка летит на стол, сбивая стаканчик с карандашами. Они с грохотом рассыпаются по ламинату. Глаза печет. Горячая влага катится по щекам, капая прямо на рабочий стол.

Черт. Какая же я жалкая. Сижу в кабинете, где учу де-

тей справляться с эмоциями, и реву, размазывая тушь, из-за ублюдка.

Захожу в квартиру. Мне нужен только паспорт. И чистое белье. Я не собираюсь оставаться там ни на секунду дольше.

В прихожей темно. Из гостиной бьет мерцающий синеватый свет — работает ноут. Делаю шаг. Пол под ногами кажется ватным.

Дима. Он сидит на том самом сером диване. В той же самой позе. Только теперь он одет в домашнюю футболку, расстрепанный, увлеченно пялится в экран. Наверное, выбирает кроватку для своего пупсика. Или бронирует столик на вечер, чтобы отпраздновать пополнение. Делаю шумный вдох.

Он вскидывает голову. И тут же расплывается в улыбке. В той самой, от которой я раньше таяла. Сейчас от нее к горлу подкатывает желчь.

— О, наконец-то, — он отбрасывает ноут, пружинисто встает и идет ко мне.

Я даже отшатнуться не успеваю. Его руки ложатся мне на талию, притягивают вплотную. Он зарывается носом в мои волосы у виска, шумно втягивает воздух. Тело деревенеет. Мышцы сводит судорогой. От него пахнет гелем для душа. Моим гелем. С ароматом манго. Значит, они еще и в моей ванной успели помыться после своих кувырканий.

— Замоталась со своими малолетними психами? — он целует меня в макушку. Ладони скользят по моей спине.

Вверх-вниз. Вверх-вниз. — Какая-то ты деревянная сегодня. Случилось чего?

Случилось. Ты обрюхатил силиконовую куклу на нашем диване, мудак.

— Устала, — голос чужой, сиплый.

— Бедняжка моя, — он цокает языком, продолжая наглаживать мою поясницу. От этого трения кожу словно наждачкой снимают. Физически тошно. — Я же говорил, бросай ты эту богадельню. Копейки платят, нервы только тратишь. Давай я роллов закажу? Сядем, расслабишься.

Смотрю в его глаза. Карие. С золотистыми крапинками. Ни тени вины. Ни грамма раскаяния.

На секунду мне кажется, что у меня галлюцинации. Может, я переработала и мне всё это привиделось? Нет. Я слышала влажные шлепки. Слышала про «бракованную». Всё было.

— Дим, нам надо серьезно поговорить.

Фраза-триггер. Его ладони замирают. Улыбка остается на месте, но глаза становятся холодными, цепкими.

— М-м? О чем это, малыш? — он чуть отстраняется, но руки с моей талии не убирает.

Держит крепко. Контролирует.

Скажи ему. Давай. Скажи: «Я видела вас. Пошел нахер». Рот открывается, но связки сводит спазмом. Страх оплетает ребра.

Я — трусиха. Конченная трусиха.

— Мне... мне предложили новую работу.

Чего? Какого хрена я несую?

Дима расслабляет хватку. Брови ползут вверх, напряжение спадает.

— Работу? — он фыркает с нескрываемым пренебрежением. Его пальцы снова начинают механически поглаживать мою спину. — И что там? Очередной детсад для особенных детишек за три копейки?

— Частная практика. Жить за городом. Полный пансион.

Глава 4. Уходя - уходи

— За городом? — рука Димы замирает на моей поясице.

Воздух вокруг нас мгновенно тяжелеет. Вся эта напускная нежность, весь этот спектакль с «бедняжкой» слетает с него, как дешевая шелуха. Он отступает на полшага. Карие глаза сужаются, сканируя мое лицо.

— У чужих людей? В чужом доме?

— Это работа. Условия отличные, оплата...

— Да плевать я хотел на оплату! — его голос резко дает по децибелам. Он делает выпад вперед, заставляя меня попятиться. — Тебя что, тут недокармливают? Или я тебе лимиты на карточке урезал? Тряпки покупаешь, по салонам шляешься, эти свои бесполезные курсы психологов оплачиваешь! Чего тебе не хватает?

Бесполезные курсы. Вот оно. Его реальное отношение. Я для него — декоративная собачка, которой разрешили поиграть в профессию, пока она не мешает хозяину. Спина упирается в холодные обои коридора. Дальше отступать некуда.

— Причем тут твои деньги, Дима? Я говорю о карьерном...

— Какая в задницу карьера?! — он бьет ладонью по стене прямо над моим ухом. Вздрагиваю. — Ты собралась съехать к какому-то левому херу и жить там под предлогом лечения его отпрыска? Ты меня за кретина держишь, Геля? Кто он?

С кем ты успела снюхаться за моей спиной?

Абсурд ситуации просто бьет по мозгам. Он стоит здесь, в метре от дивана, на котором кувыркался с другой, и обвиняет меня в измене.

— Ни с кем я не снюхалась. Там сложный ребенок.

— Да насрать мне на этого ублюдка! — брызги слюны долетают до моей щеки. Дима хватает меня за предплечья. Пальцы сжимаются как тиски, до синяков. — Ты никуда не поедешь. Ты моя баба. Мы четыре года вместе, блядь! Мы семью строим! Детей планируем!

Детей. Тиканье настенных часов на кухне вдруг становится оглушительным. Тук. Тук. Тук. Внутри меня что-то щелкает. Страх, который держал меня за горло последние четыре года, вдруг испаряется. Выгорает дотла. Остается только чистая, ледяная ярость.

— Семью? — говорю тихо, глядя прямо в его взбешенные глаза. — Такую же, как та, что ты уже заделал на нашей мебели?

Дима осекается. Его рот остается полуоткрытым. Хватка на моих руках слабеет.

— Чего? Ты че несешь?

Резко дергаю плечами, сбрасывая его руки.

— «Наш пупсик там уже растет», — чеканю каждое слово, копируя высокий, придыхающий тон той блондинки. — Знакомая цитата?

Тишина. Его лицо на глазах меняет цвет. Из агрессив-

но-красного становится меловым, сероватым. Глаза бегают, зрачки расширяются. Он судорожно сглатывает. Кадык дергается вверх-вниз.

— Гель... — голос вдруг садится, становится жалким. — Ты... ты всё не так поняла. Это... у тебя паранойя. Ты накрутила себя...

Классика. Газлайтинг уровня «ясли». Я даже не злюсь больше. Меня просто тошнит.

— Бракованная, значит? — выплевываю ему в лицо. — Врачиха сказала, шансов ноль?

Он вздрагивает, будто я ударила его наотмашь.

— Лина, стой! Я могу объяснить! Алина — это просто... Это ошибка!

Алина. Теперь у этой суки есть имя. Отталкиваю его в грудь. Сильно. Он отшатывается, не удержав равновесие. Разворачиваюсь к комоду. Выдвигаю верхний ящик с такой силой, что он вылетает с полозьев. Паспорт. СНИЛС. Медицинский полис. Сгребаю всё в ком и запикиваю во внутренний карман сумки.

— Геля, не дури! — Дима бросается ко мне, пытаюсь перехватить сумку. — Не рушь всё из-за одной глупости! Я же тебя люблю!

— Иди на хрен со своей любовью, Дима. И заberi с собой свой практичный серый диван.

Рывок к входной двери. Щеколда поддается с первого раза.

— Если ты сейчас выйдешь — обратно я тебя не пущу! Слышишь меня?! — орет мне в спину.

Дверь хлопает за спиной. Перепрыгиваю через две ступеньки. Сзади грохочет дверь нашей квартиры. Топот тяжелых ног.

— Лина, блядь, стой кому сказал!

Вылетаю на улицу. В лицо бьет ледяной вечерний ветер, забивается под тонкую блузку. Воздух острый, режет легкие, но я вдыхаю его полной грудью. Иду к машине, не оглядываясь. Меня трясет. Руки ходуном ходят. Но под кожей пульсирует странное, дикое чувство. Свобода.

Глава 5. Хорошего дня

Приоткрываю правый глаз. Прямой солнечный луч бьет сквозь щель дешевых жалюзи ровно по сетчатке. Сдавленно мычу и зарываюсь лицом в подушку. Она воняет дешевым промышленным кондиционером и чужой жизнью.

Матрас подо мной скрипит каждой ржавой пружиной. Тепло ломит так, словно меня ночью переехал асфальтоукладчик, потом сдал назад и переехал еще раз. А ведь я даже не пила. Это просто отходняк от адреналина.

Шарю рукой по прикроватной тумбочке. Пальцы натыкаются на холодное стекло телефона. Подтягиваю его к лицу, шурясь от подсветки. 11:47. Отлично. Полдня спущено в унитаз.

Ловлю свое отражение в темном экране. На щеке отпечатался узор от наволочки. Тушь осыпалась под глаза.

Спускаю ноги с кровати. Пятки касаются ледяного, липковатого линолеума, и по спине прокатывается волна дрожи. Надо в душ. Срочно смыть с себя эту ночь, этот мотель на окраине и липкое чувство собственного идиотизма.

В тесной ванной врубаю горячую воду на максимум. Кабина мгновенно заполняется густым паром. Скидываю белье и шагаю прямо под кипяток. Кожу обжигает почти до боли, но я даже не вздрагиваю. Стою, опершись ладонями о пластиковую стенку. Вода хлещет по затылку. Мозг тут же за-

пускает кинопроектор. Серый диван. Влажный шлепок кожи о кожу. Размазанная помада на губах Димы. Тру лицо ладонями, с силой, до красных пятен. Выключай. Просто выключай.

Выбираюсь из кабины минут через двадцать, когда кожа на пальцах сморщивается. Жесткое, застиранное полотенце царапает тело. Возвращаюсь в комнату. Заворачиваюсь в халат и падаю на скрипучую кровать.

Разблокирую телефон. Иконка мессенджера горит красным. Двадцать семь непрочитанных. Все от Димы. Палец машинально пролистывает этот парад лицемерия.

«Гель, ну хватит психовать. Возвращайся домой».

«Я купил твои любимые круассаны».

«Ты реально собираешься перечеркнуть четыре года из-за одной глупой ошибки?»

Ошибки. Сползти в чужую вагину на диване, который мы вместе покупали — это теперь ошибка. Наверное, поскользнулся. Бывает.

Блокирую его номер. Выдыхаю.

Среди уведомлений висит еще одно. От неизвестного абонента.

«14:00. Жду вас в центре. Орлов О.Г.»

Смотрю на время. Двенадцать пятнадцать. Двести тысяч за две недели. Вчера этот Орлов казался мне психом. Но я все равно вечером набрала его номер и сказала, что согласна. У меня на счету остатки зарплаты, которых хватит ровно

на неделю питания дошираками в этом клоповнике. Выбора нет.

Экран вспыхивает входящим звонком. Светка. Подруга орет в трубку так, что приходится отодвинуть динамик от уха.

— Ангелина! Сидишь? Лучше ляг! У меня просто разрыв аорты!

— Я лежу, Свет, — массирую пульсирующий висок свободной рукой.

— Короче! Помнишь Макса? Ну, тот инвестор из «Квартиры», с татухой на шее?

— Угу.

— Он мне вчера браслет приволок! Картье! Настоящий, Гелька, я застежку гуглила! Прикинь? Мы знакомы две недели!

Где-то под ребрами неприятно колет. Зависть? Да, обычная, мерзкая человеческая зависть. Кому-то после двух недель дарят Картье, а мне после четырех лет подарили рога и вышвырнули на мороз.

— Офигеть, — заставляю себя вложить в голос радость. — Я так за тебя рада. Seriously.

— Эй, — Светка резко тормозит. — Ты чего такая убитая? Голос как из склепа. Дима опять мозг вынес из-за длины твоей юбки?

Сказать ей? Вывалить всё это прямо сейчас? Нет. У меня сейчас нет ресурса на ее праведный гнев и советы «поехать

и разбить этой суке лицо».

— Работы много навалилось. Не выспалась, — вру без заминки.

— Точно? Гель, не крути. Хочешь, я приеду? Пошлем Макса, возьмем просекко...

— Не надо, Свет. Правда. Все нормально. Давай на выходных пересечемся, поболтаем.

— Смотри мне. Клянешься?

— Клянусь твоим Картье.

Скидываю звонок. Бросаю телефон на кровать. Пора собирать броню.

Достаю из дорожной сумки чистые джинсы и черную водолазку. Перед зеркалом в ванной замазываю консилером синие провалы под глазами. Тон, немного румян, чтобы не выглядеть как труп. Тушь в три слоя. Смотрю на результат. Сойдет. Для собеседования с бизнесменом — вполне.

Закидываю косметичку в сумку, проверяю ключи от машины. В узком коридоре мотеля сталкиваюсь с горничной. Пожилая, сутулая женщина толкает перед собой тележку с грязным бельем. От тележки несет сыростью и хлоркой.

— Съезжаете? — она равнодушно смотрит на мою сумку.

— Да. Карточку на ресепшене оставляю.

— Хорошего дня, — бросает она на автомате, уже отворачиваясь к соседней двери.

Хорошего дня. Усмехаюсь про себя, толкая тяжелую входную дверь на улицу.

Мои хорошие дни закончились ровно в тот момент, когда я решила, что строить семью с Димой — это гениальный план.

Глава 6. Прыжок в неизвестность

Моя скромная «Киа» паркуется у детского центра ровно в 13:55. Рядом с тем местом, куда я обычно втискиваюсь, сейчас стоит глянцево-черный «Майбах». Он занимает полторы парковочные полосы и выглядит так, словно сожрет мою малолитражку, если я заглушу мотор слишком близко. Возле задней двери застыл амбал в темном костюме. Не хватает только красной ковровой дорожки и кортежа с мигалками.

Глушу мотор. Ладони потные, скользят по пластику руля. Давай, Ангелина. Ты сама приехала. Назад дороги нет — там только серый диван и Димочка с его беременной шлюхой.

Выхожу на улицу. Охранник провожает меня абсолютно пустым, сканирующим взглядом, от которого между лопаток пробегает холодок. Игнорирую его, расправляю плечи и толкаю стеклянную дверь центра.

Внутри — сюрреализм. Обычно в это время в холле стоит гвалт, мамочки стягивают с тоддлеров комбинезоны, пахнет кофе и детским печеньем. Сейчас — тишина, как в операционной. А в кабинете нашей заведующей, Зинаиды Павловны, через приоткрытую дверь разворачивается немая сцена. Зинаида, грузная женщина, которая обычно рывкает на нас за минутное опоздание, сейчас суетится у кулера.

Орлов сидит в ее кресле. Не на стуле для посетителей, а именно в кресле начальницы. И выглядит в нем так органич-

но, будто сам основал эту богадельню. Темно-синий костюм, идеальная осанка, тяжелый, немигающий взгляд, направленный в экран смартфона. Стучу костяшками по косяку. Он поднимает глаза. В них — ни капли эмоций. Ледник.

— Пунктуальность. Редкое качество, — он кивает Зинаиде на дверь. — Оставьте нас.

Заведующая даже не пытается возразить. Пискнув что-то про «конечно, Олег Григорьевич», она протискивается мимо меня, обдав запахом валокордина и пота. Дверь закрывается. Мы одни.

Орлов не предлагает мне сесть. Он просто бросает телефон на стол и пододвигает ко мне толстую черную папку.

— Договор и соглашение о неразглашении. Читайте.

Сажусь напротив. Открываю папку. Плотная, дорогая бумага. Текст мелким шрифтом, набранный без единого лишнего пробела. Бегаю глазами по строчкам, и с каждым абзацем волосы на затылке начинают шевелиться.

«...запрет на публикацию любых геоданных, фотографий и текстовых упоминаний об условиях проживания...»
«...штраф за нарушение пункта 4.2 — десять миллионов рублей...»

Поднимаю на него глаза.

— Вы нанимаете психолога или покупаете рабыню? — слова вылетают раньше, чем мозг успевает их отфильтровать.

Орлов чуть склоняет голову набок. Уголок его губ едва

заметно дергается. То ли усмешка, то ли раздражение.

— Я покупаю ваше время, Ангелина Александровна. Сто процентов вашего времени. И гарантию того, что дерьмо моей семьи не утечет в желтую прессу или паблики. Вы получаете за это компенсацию, которая, смею предположить, превышает ваш годовой доход раз в пять.

Он бьет точно в цель. И он это знает.

— Кто ваш сын? — сухо спрашиваю, перелистывая страницу с драконовскими штрафами. — Что с ним? Я должна понимать, с чем мне придется жить под одной крышей.

Орлов откидывается на спинку кресла. Пальцы с массивным платиновым перстнем переплетаются на животе.

— Физически он здоров, если не считать хронического отсутствия инстинкта самосохранения. Диагнозов нет, потому что я не позволил таскать его по психиатрам.

— А по факту? — не отстаю.

— По факту агрессия, саботаж любых правил. Последняя выходка чуть не стоила ему свободы. Мне нужен человек, который залезет ему в голову и перепрограммирует этот хаос.

Он достает из внутреннего кармана пиджака ручку. Кладет ее поверх контракта. Глухой стук металла о столешницу звучит как удар гонга.

— У вас есть минута. Подписываете — и мы едем. Мой водитель заберет вашу машину позже. Отказываетесь — дверь за вашей спиной.

Смотрю на ручку. На чернильные строчки. Двести тысяч

раз в две недели. Закрытая территория. Смена обстановки. И полная, абсолютная изоляция от внешнего мира. От звонков Димы, от сочувствующих взглядов мамы, от необходимости решать, где мне спать завтра.

Беру ручку. Ставлю размашистую подпись на каждой странице. Бумага слегка царапается под пером. С этой секунды Ангелины с ее проблемами больше нет. Есть только наемный сотрудник.

Закрываю папку и сдвигаю ее к Орлову.

— Я готова.

Он забирает документы, встает. Никаких рукопожатий, никаких «добро пожаловать в команду».

Выхожу за ним на улицу. Охранник распахивает заднюю дверь «Майбаха». Салон пахнет дорогой кожей и терпким мужским парфюмом с нотами кедра. Сажусь, увязая в мягком сиденье. Дверь захлопывается с глухим, вакуумным звуком, отсекая шум улицы. Орлов садится рядом, не глядя на меня. Тонированные стекла скрывают нас от остального мира.

— Трогай, — бросает водителю.

Тяжелая машина плавно срывается с места. Смотрю в окно, как детский центр, моя прошлая жизнь и оставленная на парковке «Киа» стремительно отдаляются, пока не исчезают в зеркалах заднего вида. Ну здравствуй, новая жизнь. Надеюсь, я не сдохну в ней в первый же день.

Глава 7. Сложный ребёнок?

Колёса внедорожника ловят очередную рытвину, и мой желудок делает кульбит. Сглатываю вязкую слюну. Асфальт закончился минут двадцать назад, сменившись агрессивной гравийкой. За тонированными стёклами мелькают только сосны да глухие заборы. Ни магазинов, ни остановок. Вакуум.

Достаю телефон, нажимаю на экран. «Нет сети». Отлично. Просто блеск. Если этот респектабельный господин в костюме от «Бриони» решит прикопать меня в лесополосе, Светка даже геолокацию мою не отследит.

Кошусь на Орлова. Сидит ровно, профиль каменный, пальцы методично смахивают что-то на планшете.

— Завтра утром я вылетаю в Дубай, — роняет ровным тоном, не отрывая взгляда от экрана. — Вернусь дней через десять. При форс-мажорах связываться с моим ассистентом.

Чего?

Воздух застревает в горле колючим комком. В смысле, вылетает? Меня что, оставят один на один с его отпрыском в этой глухомани? Без связи и подстраховки? Четыреста тысяч, Геля. Вспоминай про четыреста тысяч.

Машина плавно тормозит. Глухие кованые ворота бесшумно разъезжаются в стороны, пропуская нас на территорию.

Моргаю. Блин, это вообще законно — строить такое в Подмосковьё? Дом похож на гигантский стеклянный куб. Газон такого ядовито-идеального цвета, словно его красили из баллончика. Ни одного кривого куста. Ни одного лишнего листика на дорожках.

Водитель глушит мотор. Орлов выходит первым, я выполняю следом. Каблуки тут же вязнут в мелком декоративном гравии. Чертыхаюсь про себя, пытаюсь удержать равновесие и сохранить остатки профессионального достоинства, пока семеню за работодателем к массивным дверям.

Внутри — ледяной минимализм. Чёрный мрамор, в котором отражается подсветка. Огромные пустые пространства.

— Кирилл! — голос Орлова эхом бьёт по стенам. — Спустишься в холл.

Где-то на втором этаже хлопает дверь. Тяжёлые, ленивые шаги по лестнице. Подбираюсь. Спину ровнее. Лицо попроще. Сейчас, наверняка, выйдет подросток, мне нужно сразу установить зрительный контакт и...

Шаги замирают на пролёте. Поднимаю глаза.

О, чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Никаких прыщей. Никакого пубертата. На лестнице стоит мужик. Здоровенный. Плечи такие, что заслоняют половину обзора. Тёмные волосы в творческом беспорядке, на подбородке жёсткая щетина. На нём только вылинявшие джинсы, низко висящие на бёдрах, и чёрная футболка, которая тре-

щит на бицепсах. Стоит босиком на холодном мраморе.

И его глаза. Ярко-зелёные. Прицельные. Он сканирует меня так медленно и откровенно, что под строгой блузкой мгновенно выступает пот. Взгляд скользит от моих строгих лодочек вверх, по линии бедер, задерживается на груди так долго, что я почти физически ощущаю этот тяжелый, липкий контакт, и наконец нехотя поднимается к лицу.

Уголок его губ дергается в откровенной ухмылке.

Желудок сводит спазмом. Стою в застегнутом на все пуговицы жакете, но от этого сканирующего взгляда чувствую себя так, будто меня только что раздели прямо здесь.

— Опять мозгоправ? — голос у него низкий, с характерной хрипотцой, словно он только что проснулся. Или пил всю ночь. Он переводит скучающий взгляд на отца. — Ты решил побить собственный рекорд, пап? Какая она по счету за этот год? Восьмая? Или я сбился на двенадцатой?

Восьмая? Челюсть непроизвольно сжимается. Куда делись предыдущие семь? Сбежали с нервным срывом? Или он их сожрал на завтрак?

— Сбавь тон, — Орлов делает шаг вперед. — И постарайся вспомнить, как ведут себя цивилизованные люди. Ангелина Александровна — твой новый психолог. И она здесь для работы.

Правая бровь парня медленно ползет вверх. Он снова смотрит на меня, и в зеленых радужках вспыхивает откровенная насмешка.

— Работы, значит? — он пробует слово на вкус, намеренно растягивая гласные. — И какие именно... услуги входят в ваш прайс, Ан-ге-ли-на А-лек-санд-ров-на? Классика или ролевые игры с блокнотом?

Щеки вспыхивают. Интонация такая сальная, что хочется немедленно вымыть руки с мылом.

— Закрой рот! — рывкает Орлов, вена на его шее опасно вздувается. — Хватит устраивать балаган из каждой встречи! Ангелина Александровна — дипломированный специалист, и она выбьет из твоей головы всю ту дурь, которая мешает тебе нормально функционировать!

— Из моей? — Кирилл издает короткий, лающий смешок и спускается на пару ступенек ниже.

Теперь он нависает надо мной.

— Ты уверен, что проблема в моей голове? — продолжает, не отрывая от меня зрительного контакта. — Может, это у тебя маразм крепчает, раз ты приволок в дом эту... — он делает паузу, еще раз пренебрежительно окидывая меня взглядом, — декоративную куколку?

Куколку. Что-то внутри меня с треском рвется. Ногти впиваются во влажные ладони.

Куколка. Серьезно? Пять лет универа. Красный диплом. Три года работы с самыми тяжелыми, изломанными детьми. И все это для того, чтобы зажавшийся мажор с внешностью порноактера обесценивал меня одним словом?

Орлов-старший открывает рот, чтобы снова заорать, но

Кирилл его опережает. Театрально вскидывает руки в сдающемся жесте, обнажая татуировку на предплечье.

— Понял-принял. Слушаюсь и повинуюсь. Будем лечить-ся.

Он делает последний шаг с лестницы и останавливается в метре от меня. В глазах пляшут откровенные бесы.

— Только давайте сразу проясним правила игры, — хрипит, глядя мне прямо в зрачки. — Не ждите, что я пушу слезу, размазывая сопли по вашему строгому жакету. Никаких душещипательных бесед о том, как меня недолюбили в детстве. И уж тем более, — он наклоняется чуть ближе, заставляя меня задержать дыхание, — я не собираюсь рисовать вам несуществующих монстров из своего подсознания. Так что поберегите свои тесты с кляксами для кого-нибудь послабее.

Глава 8. Взрыв

— Олег Григорьевич, нам нужно поговорить. Прямо сейчас. И желательно там, где ваш... сын нас не услышит.

Меня всю трясёт. Адреналин бьёт по вискам так, что отдаётся в зубах. Я готова разорвать этот идеальный контракт на мелкие куски и засунуть ему в карман его дорожущего пиджака.

Орлов кивает.

— Прошу в мой кабинет.

Иду за ним по длинному коридору.

Заходим. Орлов тяжело опускается в массивное кожаное кресло и жестом указывает мне на место напротив.

Остаюсь стоять. Если я сейчас сяду, то провалюсь в эту мягкую кожу и визуально окажусь ниже. А мне сейчас жизненно необходима позиция на равных.

— Вы меня развели, — рублю с плеча, забив на субординацию и деловой этикет.

Орлов спокойно складывает пальцы домиком.

— Я бы назвал это упущением некоторых нюансов. Садитесь, Ангелина Александровна.

— Нюансов?! — голос предательски даёт петуха, но я уже не могу остановиться. — Я работаю с детьми! Понимаете разницу? Мои пациенты боятся темноты, писаются в кровать из-за развода родителей или режут руки из-за буллин-

га в школе! А вы мне подсовываете двухметрового мужика, который пялится на меня так, будто прикидывает, с каким соусом меня сожрать!

Блин. Я реально это вслух сказала?

Бровь Орлова медленно ползёт вверх. Судя по едва заметной усмешке — да, сказала.

— Весьма живописное сравнение. Что ж, значит, первичный зрительный контакт он установил.

Меня аж передёргивает от его непрошибаемости.

— Олег Григорьевич, я не универсальный спасатель. У меня нет квалификации для работы с половозрелыми агрессивными мужчинами, страдающими от избытка тестостерона. Отменяем сделку.

— Сядьте.

Одно слово. Сказано тихо, без крика, но с такой давящей силой, что колени сами сгибаются. Плюхаюсь в холодное кожаное кресло. Спина моментально покрывается мурашками. В какую же задницу я влезла.

Орлов встаёт, подходит к панорамному окну. Классика. Сейчас начнёт давить на жалость или сыпать угрозами.

— Кирилл... специфический случай, — начинает он, глядя куда-то. — У него патологическая проблема в отношениях с женщинами.

— Судя по его сальным шуткам, у него с ними всё более чем отлично, — бурчу себе под нос.

— Физически — да. Эмоционально — катастрофа. Он

их очаровывает. Доводит до состояния полного подчинения, зависимости. А потом вышвыривает. Жёстко, цинично, без единого объяснения.

Желудок неприятно сжимается.

— И много их... вышвырнутых?

— Я не веду учёт его постельных побед. Но месяц назад одна из них вскрыла себе вены прямо в холле моего офиса. На глазах у десятка сотрудников. Охранники еле успели перетянуть руки.

Твою мать. Воздух застревает в лёгких колючим комком. Вскрыла вены.

— Тем более! — вскидываюсь, вцепляясь пальцами в подлокотники. — Вам нужен клинический психиатр. Кризисный терапевт. Специалист по социопатам, в конце концов! Почему я?! В Москве сотни клиник с нужным профилем!

Орлов поворачивается. Лицо тяжёлое, осунувшееся.

— Он не социопат, Ангелина. Просто... запутавшийся. А психиатров он шлёт лесом. Как и всех предыдущих психологов, которых я пытался к нему приставить.

— Почему вы решили, что со мной будет иначе? Что он не пошлёт меня точно так же?

— Потому что они все были из его привычной среды. Светские львицы с купленными дипломами, которые текли от одного его взгляда. Либо маститые профессора-мужчины, которых он просто ломал авторитетом и деньгами. Вы — другая.

— В смысле?

Орлов смотрит на меня в упор, сканируя так же цепко, как недавно это делал его сын.

— Обычная. Вы не будете пытаться ему понравиться. Вы не из тусовки. Вы носите строгие закрытые костюмы и смотрите на него со злостью, а не с обожанием. Я делаю ставку на этот контраст.

Обычная. Слово бьёт под дых, вышибая остатки кислорода. Обычная. Не яркая. Не манящая. Серая мышь с правильным дипломом. Прямо как для Димы. Он тоже променял «обычную» меня на тюнингованную блондинку в кружевах, с которой можно трахаться на кухонном столе.

Ногти до боли впиваются в кожу ладоней. Чёрт. А ведь Орлов прав. Я точно не во вкусе Кирилла. Я для него пустое место, обслуживающий персонал.

— Допустим, — выдавливаю, проглатывая горький комок обиды. — Какова конечная цель моей работы? Чтобы он перестал доводить девиц до суицида?

Орлов возвращается к столу. Опирается на него костяшками пальцев и тяжело нависает над столешницей.

— Репутация Кирилла бьёт по моему бизнесу. Инвесторы не любят грязи и скандалов. Но главное...

Он замолкает. И вдруг вся эта маска железного миллиардера трескается. На меня смотрит просто старый, уставший мужик, у которого болит душа.

— Он мой единственный сын. И я не хочу, чтобы через

десять лет он остался один в огромном пустом доме, ненавидя весь мир и самого себя. Помогите ему. Научите его хотя бы понимать свои эмоции, а не разрушать всё вокруг.

Удар ниже пояса. Отцовская боль. Эту броню я пробивать не умею. Моя эмпатия всегда была моим слабым местом.

Смотрю на него. В голове калькулятор лихорадочно перемножает двести тысяч на несколько месяцев работы. У меня нет дома. У меня предатель бывший, который сейчас наверняка выбирает коляску для своего пупсика. И пятнадцать жалких тысяч на банковской карте.

— Хорошо, — мой голос звучит сухо и по-деловому, хотя внутри всё дрожит. — Я попробую. Но с одним условием. Если я пойму, что ваш сын представляет для меня реальную физическую угрозу, или если он клинический психопат — я собираю вещи и уезжаю в тот же день. Никаких удержаний и штрафов за разглашение.

Орлов медленно кивает. Лицо снова превращается в непроницаемую маску.

— Договорились, Ангелина Александровна. Приступайте к работе.

Глава 9. Осмотр территории

Аккуратно прикрываю за собой массивную дверь кабинета.

Выдыхаю, прислоняясь спиной к стене. Жесть. Такое чувство, что я только что подписала контракт с дьяволом, и теперь нахожусь в его стерильном филиале ада. Оглядываюсь. Коридоры расходятся в разные стороны. Ни пылинки, ни брошенной вещи. Будто здесь никто не живёт.

Медленно иду вдоль стены. Натыкаюсь на картину — агрессивные красно-чёрные мазки, словно кто-то психовал с кистью в руках. Мои пятилетние пациенты в арт-терапии рисуют более осмысленные вещи. И в них хотя бы есть жизнь. А это — просто дорогой, мёртвый кусок холста.

Внезапно пол под ногами мелко вибрирует. До слуха доносится глухой, ритмичный бит.

Иду на звук, чисто на автомате. Дверь в конце коридора приоткрыта.

Заглядываю в щёлку и замираю.

Спортивный зал. Тренажёры, зеркала во всю стену. И Кирилл. На нём только низко сидящие спортивные шорты. Мокрая от пота кожа блестит в свете ламп. Он молотит по тяжелой боксёрской груше с такой звериной яростью, что цепи звенят. Удар. Ещё удар. Мышцы на спине перекачиваются под влажной кожей.

Я должна уйти. Это нарушение личных границ. Я — терапевт, а не сталкер-извращенец.

Но ноги будто приклеили к полу.

Он резко останавливается. Груша продолжает тяжело раскачиваться, а Кирилл поворачивается к зеркалу. Тяжело дышит. Грудь ходит ходуном.

И тут я вижу его лицо. Господи. Он смотрит на своё отражение с такой абсолютной, концентрированной ненавистью, что меня прошибает холодом. Так не смотрят на себя просто уставшие люди. Так смотрят, когда хотят вырвать собственную суть с корнем и уничтожить.

Кадык на его шее дёргается. Он сглатывает, резко отворачивается от зеркала, хватает полотенце и выходит через противоположную дверь.

Мой внутренний психолог бьёт в набат. Вот оно. Болевая точка. Рациональная часть орёт: «Беги в свою комнату, Гелля!» Но я уже толкаю дверь и иду следом. Просто соберу контекст. Оценю среду обитания пациента. Оправдание так себе, но я упорно шагаю по лестнице на второй этаж.

Коридор здесь другой. В самом конце — распахнутая дверь.

Тихо подхожу ближе. Спальня. И это первое место в этом чёртовом доме, которое выглядит живым. Смятая постель. Раскиданные по полу книги — нормальные, потрёпанные, с закладками. Гитара в углу. Постеры на стенах. Глоток свежего воздуха после музейной стерильности первого этажа.

— Диагноз уже поставила? Или нужна лупа, чтобы рассмотреть получше?

Пульс с размаху бьёт в горло. Подпрыгиваю на месте и резко разворачиваюсь.

Он стоит прямо за моей спиной. Как он вообще подошёл так тихо с его-то габаритами?!

Мы оказываемся слишком близко. Сантиметров тридцать, не больше. От него пышет жаром растренированного тела. Запах пота мешается с резкой мятой. Капля влаги медленно ползёт по его ключице, спускается на грудь, скользит по рельефному прессу и исчезает под резинкой шорт.

Взгляд залипает на этой траектории. Чёрт. Отвожу глаза, упираясь прямо в его лицо.

— Оцениваю обстановку, — делаю шаг назад.

Спина упирается в косяк двери. Отступать некуда. Кирилл делает шаг вперёд, зеркально повторяя моё движение. Упирается ладонями в стену по обе стороны от моей головы.

— И что высмотрела? — его голос падает до вибрирующего баритона. — Какие процедуры пропишешь? Будешь читать мне сказки на ночь? Или применим контактную терапию прямо на этой кровати, чтобы я крепче спал?

От его слов, сказанных с хриплым придыханием, по позвоночнику пробегает дрожь. Он давит. Использует свою сексуальность как оружие.

— Я буду делать то, за что мне платят, — вскидываю подбородок, отказываясь отводить взгляд. — Если ты способен

включить мозг и начать работать, а не только трясти тут своими гормонами.

В его зелёных глазах вспыхивает янтарная искра. Зрачки расширены.

— Какая ты деловая, — он усмехается, наклоняясь ещё ближе. Его дыхание обжигает мне скулу. — Папаша отстегнул тебе бабла, и ты решила поиграть в спасительницу? Ты просто очередная нищенка, которая ухватила за жирный чек. Собери свои шмотки и свали в закат. Пока я не вышвырнул тебя сам.

Нищенка. Жирный чек. Слова бьют по свежим ранам. Дима говорил то же самое. «Бесполезные курсы за три копейки».

Злость вспыхивает мгновенно, выжигая страх.

— Знаешь что? — упираюсь ладонями в его грудь и с силой толкаю назад. Он даже не сдвигается с места, но в глазах мелькает удивление. — Можешь корчить из себя альфа-самца сколько влезет. Но мужик, который с таким омерзением смотрит на себя в зеркало — уже сломан. И мне не нужны тесты, чтобы понять, как сильно ты себя ненавидишь.

Он замирает. Мышцы под моими ладонями каменеют. Воздух вокруг нас становится плотным.

Кирилл медленно опускает руки.

— Шпионила, значит? — голос тихий. Ледяной.

— Наблюдала. Это моя работа.

— Да неужели? — он снова делает шаг, вжимая меня в ко-

сяк. Практически впечатывает своё тело в моё. — Думаешь, я слепой? Я видел, как ты пялилась на меня на лестнице. И сейчас. У тебя зрачки на пол-лица, и дышишь ты так, будто стометровку пробежала. Это тоже часть рабочего процесса? Возбуждаться на пациента?

Щёки полыхают так, что, кажется, сейчас пойдёт дым.

— Здесь просто душно, — чеканю каждое слово, пытаюсь отодвинуться от источника этого невыносимого жара.

— Конечно, душно, — его губы кривятся в хищной ухмылке. — И станет ещё душнее. Так что послушай моего совета, психологичка. Возвращайся к своим детсадовцам. Здесь тебе не место.

Он резко отстраняется, разворачивается и заходит в спальню, захлопывая дверь. Кислород с силой врывается в лёгкие. Стою, прижавшись к косяку, и пытаюсь унять бешеный стук сердца.

Глава 10. Несгибаемая

Сбегаю по лестнице, стараясь наступать на ступени максимально ровно. Внизу, в холле, чуть не врезаюсь в Орлова-старшего. Он стоит у подножия лестницы. Заложил руки за спину, на лице легкая, почти снисходительная полуулыбка.

— Позвольте, я проведу небольшую экскурсию. Вам необходимо знать расположение основных зон.

И он чеканит шаг по мрамору. Плетусь за ним.

— Это малая столовая, — он широким жестом указывает на помещение, где за столом легко уместилась бы рота солдат. — Завтрак в восемь, ужин в семь. Ирина Викторовна, наша экономка, строга к расписанию. Если вам понадобится перекус в другое время, согласуйте с ней.

Киваю на автопилоте. Малая столовая. Боюсь представить, как выглядит большая.

— Охрана круглосуточная. Периметр под видеонаблюдением. Номер начальника службы безопасности у вас в контракте. Любые перемещения за пределы территории — только с моего ведома.

Мы идем по длинному коридору, сворачиваем, снова идем.

— А вот и ваши апартаменты, — Орлов останавливается перед массивной дубовой дверью.

Апартаменты. Я мысленно готовилась к комнатке для прислуги, может быть, гостевой спальне. Но когда он открывает дверь...

Господи.

Это не комната. Это отдельная квартира, причем размером больше, чем та, которую мы снимали с Димой. Огромная кровать, зона отдыха с мягкими креслами, панорамные окна с видом на лес.

— Надеюсь, вас все устроит? — Орлов проходит внутрь и открывает дверцы встроенного шкафа.

Мой взгляд падает на полки.

Шкаф не пустой. Он забит одеждой. Платья, костюмы, джинсы, уютные кашемировые свитера. На плечиках болтаются бирки известных брендов.

— Что это? — выдавливаю, подходя ближе.

— Базовый гардероб, — невозмутимо отвечает Орлов. — Я счел нужным обеспечить вас одеждой, соответствующей статусу... нашего гостя.

Мой взгляд скользит ниже. Выдвижные ящики прозрачные. И в них... белье. Дорогое белье. Красное, черное, телесное. Бюстгалтеры, трусики, пеньюары. Все моего размера.

Щеки вспыхивают. Кровь приливает к лицу с такой силой, что в ушах начинает звенеть.

— Вы купили мне белье? — голос садится до хриплого шепота.

Орлов смотрит на меня с легким раздражением.

— Ангелина Александровна, не делайте из мухи слона. Моя ассистентка сняла ваши мерки из медицинской карты, которую вы предоставляли при приеме на работу в центр. Считайте это частью рабочей униформы.

Рабочей униформы. Кружевное белье.

— Вы же не думаете, что я... — начинаю, задыхаясь от возмущения.

— Я думаю, что вам нужно выглядеть соответствующе, — жестко перебивает он. — Вы должны быть контрастом для тех девиц, с которыми привык общаться Кирилл. Строгой, элегантной, недоступной. Но при этом... Женщиной.

Он закрывает шкаф.

— Завтра утром я улетаю. Надеюсь, к моему возвращению вы добьетесь хоть какого-то прогресса.

Орлов-старший кивает и выходит, оставляя меня одну в этом роскошном склепе.

Дверь закрывается. Подхожу к шкафу, выдвигаю ящик с бельем. Беру в руки тонкое черное кружево. Оно мягкое, почти невесомое.

— Во что я вляпалась? — спрашиваю в пустоту. — Во что я, мать твою, вляпалась?

Глава 11. Утро добрым не бывает

Глаза открываются резко. Спина ноет. Матрас за хреновую тучу денег оказался слишком жестким для моего позвоночника, привыкшего к продавленной кровати.

Рука на автомате шарит по прикроватной тумбочке. Нащупываю холодный прямоугольник телефона. Подтягиваю к лицу, щурясь от яркой подсветки.

Ноль уведомлений. Ни пропущенных, ни сообщений в мессенджерах. Экран девственно чист.

В груди неприятно тянет. Хотя и сама же отправила его номер в ЧС. Он сейчас наверняка спит в обнимку со своей силиконовой Алиной, поглаживая ее плоский живот, в котором зреет «их настоящая семья».

— Хватит, — шепчу в тишину роскошной спальни.

Скидываю тяжелое одеяло. Босые ступни касаются пушистого ковра. Надо одеваться. Подхожу к встроенному шкафу и игнорирую прозрачные ящики с тем самым кружевным бельем.

Выуживаю из бесконечных вешалок самые обычные синие джинсы и глухую серую водолазку..

Выхожу в коридор и чуть не врезаюсь в высокую худую женщину с тугим пучком на затылке. Ее лицо выглядит так, будто она с утра выпила стакан лимонного сока.

— Доброе утро, — женщина окидывает меня сканирую-

щим взглядом, на секунду задержавшись на моих джинсах. Явно не одобряет. — Я Ирина Викторовна. Хозяин ждет вас в малой столовой. Следуйте за мной.

Семеню за её прямой спиной по бесконечным лестницам.

Малая столовая. Ага. Метров сорок квадратных, лепнина, дубовые панели. Посредине — длинный стол, уставленный так, словно мы ждем делегацию послов. Серебряные кофейники, три вида свежавыжатого сока, блинчики, омлеты, нарезки.

Орлов-старший восседает во главе стола. В идеальном сером костюме, свежавыбритый. А напротив него...

Замедляю шаг. Кирилл развалился на стуле, закинув локоть на спинку. Вчерашняя черная футболка, растрепанные волосы. Он даже не смотрит на еду — его пальцы с бешеной скоростью набивают текст в телефоне.

— Присаживайтесь, Ангелина, — Орлов-старший кивает на стул ровно напротив своего сына. — Надеюсь, новое место вас не слишком стесняет?

Опускаюсь на мягкое сиденье.

— Вполне комфортно, спасибо, — вру, придвигая к себе пустую тарелку.

Кладу на нее один блинчик. Чисто чтобы занять руки.

— Рад слышать, — старший Орлов переводит тяжелый взгляд на сына. — Кирилл. Отложи аппарат. Мы за столом.

Ноль реакции. Пальцы Кирилла продолжают порхать по экрану.

— Я с кем разговариваю? — голос отца становится на тон ниже. Металл лязгает о фарфор. — Убери телефон, когда перед тобой сидит женщина. Или в твоих клубах отменили базовые правила приличия?

Кирилл медленно блокирует экран. Телефон летит на стол с глухим стуком. Он поднимает глаза.

— Женщина? — Кирилл кривит губы, глядя прямо на меня. — Я думал, это наемный персонал. Ты же не заставляешь меня вести светские беседы с садовником за завтраком, пап. С чего такие привилегии для очередной няньки?

Внутри вспыхивает раздражение, но я давлю его на корню. Я на работе. Нельзя вестись на провокации. Начинаю методично, на мелкие кусочки, резать свой блинчик. Вжик. Вжик. Очень увлекательное занятие.

— Ангелина здесь не в качестве прислуги, — цедит сквозь зубы старший Орлов. — Она дипломированный специалист. И ты будешь проявлять к ней уважение.

— Уважение к диплому? — Кирилл берет со стола яблоко, подкидывает его в руке. — Знаешь, я могу купить ей еще три таких же прямо сейчас. Хочешь, Оксфорд организую? Будет солиднее смотреться в твоих отчетах.

— Прекрати паясничать! — Орлов-старший бьет ладонью по дубовой столешнице. — Ты ведешь себя как неадекватный подросток! Я улетаю через час на сложные переговоры, а вынужден тратить время на воспитание взрослого лба!

— Так не трать, — Кирилл с хрустом откусывает ябло-

ко. Жует громко, с открытым ртом, глядя отцу прямо в глаза. Провоцирует. Ищет границы. — Дверь там. Переговоры ждут. А мы тут как-нибудь сами разберемся с моим сложным внутренним миром.

Орлов-старший шумно втягивает воздух носом. Желваки на его лице ходят ходуном. Он смотрит на сына с такой смесью гнева и бессилия, что мне на секунду становится его жаль. Контролер, который не может контролировать собственное творение.

— У меня нет на это времени, — старший резко отодвигает стул и встает. Бросает на меня извиняющийся, но строгий взгляд. — Ангелина. Оставляю его на вас. Вечером жду короткий отчет в мессенджер.

Он разворачивается и чеканит шаг к выходу. Дверь захлопывается.

В столовой повисает тишина. Слышно только, как тикают напольные часы где-то в углу. Я продолжаю смотреть в свою тарелку. Блинчик уже нарезан на идеальные квадратики.

Слышу шорох. Поднимаю глаза.

Кирилл отбросил огрызок. Он подался вперед, упираясь локтями в стол. Зеленые глаза смотрят на меня без всякой насмешки. Цепко. Внимательно.

— Ну что, психологичка, — его голос падает до вибрирующего хрипа. Уголок губ дергается вверх. — Папочка уехал. С чего начнётся препарирование моей сломанной психики?

Глава 12. Прогулка?

Сглатываю. Делаю медленный вдох, натягивая на лицо броню спокойствия. Я здесь профессионал. А он — просто избалованный клиент с раздутым эго.

— Препарируют трупы, Кирилл, — ровным тоном отвечаю, скрещивая руки на столе. — А ты вроде как вполне жив и даже слишком разговорчив. Так что начнём с банального — с субординации.

Он издаёт короткий, лающий смешок. Откидывается на спинку стула, закидывая ногу на ногу.

— Субординации? Серьёзно?

— Да, серьёзно. Прекрати общаться со мной так, будто пытаешься снять в клубе в три часа ночи. Твои дешёвые манипуляции и альфа-взгляды здесь не сработают.

— Да неужели? — он плавно подаётся вперёд. Столешница, кажется, становится в два раза уже. Его лицо оказывается слишком близко. — А мне вот кажется, что твоя броня трещит по швам. Напаялила этот глухой свитер, застегнулась под самое горло, чтобы показать, какая ты неприступная. Только вот пульс на шее у тебя бьётся так, что меня сейчас забрызгает.

Чёрт. Инстинкт вопит: прикрой шею! Вцепись ладонями в воротник! Но я заставляю свои руки лежать неподвижно.

— Это реакция на хамство, — чеканю каждое слово, не

отводя взгляда. — Бывает, когда собеседник переходит границы.

Кирилл чуть склоняет голову. В зелёных радужках вспыхивает откровенно хищный интерес. Он не просто смотрит — он меня сканирует. Ищет слабое место. И, судя по ухмылке, находит.

— Нет, Ангелина Александровна. Это реакция на мужика, который не прыгает перед тобой на задних лапках.

Он делает паузу. Воздух в комнате становится густым.

— Держу пари, твой бывший был идеальным дрессированным псом. Слушался, кивал, следовал твоим правилам. А потом ему до одури наскучила правильная, пресная отличница. И он свалил к той, с которой можно просто трахаться, а не обсуждать личные границы. Угадал?

Желудок скручивает ледяным спазмом. Кислород мгновенно заканчивается. Вдох застревает где-то на уровне груди колючим комком.

Откуда? Как он, мать твою, это понял?!

Слова Кирилла — это не просто попадание. Это контрольный выстрел в голову. Серый диван. Влажные шлепки. «Она помешалась на своих тестах». Лицо мгновенно вспыхивает, словно меня окатили кипятком. В глазах начинает предательски щипать. Блин. Нет. Только не плакать. Не перед ним.

Стараюсь удержать маску невозмутимости, но мышцы лица отказываются подчиняться. Губы едва заметно дрожат.

Кирилл ловит эту микросекундную слабость. Его ухмыл-

ка стирается, сменяясь чем-то тёмным, почти жестоким.

— Десятка, — тихо констатирует, глядя прямо в мои па-
никующие глаза. — Значит, бросили.

Жесть. Меня сейчас просто стошнит прямо на этот дубо-
вый стол. Сидеть здесь больше физически невозможно. Сте-
ны столовой давят.

Резко отодвигаю стул. Ножки мерзко скрипят по паркету.

— Здесь слишком душно, — голос звучит чужой, сиплый.
Плевать. — Пойдём на улицу.

Правая бровь Кирилла медленно ползёт вверх.

— На свежий воздух? Бежишь с поля боя, психологичка?

— Это называется смена обстановки. Эффективный ме-
тод при... излишнем напряжении, — выдавливаю из себя
фальшивую, натянутую улыбку. Ноги дрожат. — Если, ко-
нечно, ты не боишься солнечного света.

Он изучает меня пару секунд. Тяжёлый, давящий взгляд.
Затем плавно, без единого звука поднимается.

— Как скажешь. Подышим.

Иду за ним к стеклянным дверям. Солнце бьёт по глазам,
заставляя зажмуриться. Ветер тут же треплет волосы, швы-
ряя пряди в лицо. Пытаюсь убрать их за уши, но ветер силь-
нее.

Под ногами идеальный, пружинящий газон. Каждая тра-
винка ровно подстрижена. Стерильно. Ненатурально. Хочет-
ся снять чёртовы туфли и вытоптать здесь плешь, просто
чтобы нарушить этот мёртвый порядок. В нос бьёт густой,

приторный запах роз, смешанный с запахом свежескошенной травы и какой-то химии.

Надо что-то сказать. Взять контроль.

— Как давно отец купил этот дом? — бросаю вопрос в спину.

Он резко тормозит. Я едва успеваю затормозить, чтобы не врезаться в него носом. Кирилл разворачивается.

— Собираешь факты? — зелёные глаза сужаются.

— Пытаюсь понять среду, в которой ты живёшь. Контекст важен.

— Контекст в том, что ты задаёшь вопросы, ответы, — он делает шаг ко мне, бицепсы напрягаются, когда он скрещивает руки на груди. — На которые тебя не касаются.

Воздух прорезает резкая трель рингтона.

Кирилл морщится, достаёт из кармана джинсов айфон. Бросает взгляд на экран. Желваки на скулах мгновенно напрягаются. Что-то в его расслабленной, хищной позе ломается.

— У меня дела, — сухо бросает, сбрасывая вызов и пряча телефон обратно.

— Какие ещё дела? — делаю шаг за ним. — Мы только вышли...

Но он уже отвернулся. Широким шагом направляется к гаражам, полностью меня игнорируя.

— Кирилл!

Ноль реакции. Стою посреди этого грёбаного идеального

газона как идиотка. Блестящая работа, Ангелина. Тебя раскатали в блин за пять минут, а потом просто оставили на лужайке.

Через минуту тишину взрывает дикий рёв мотора. Звук такой мощный, что вибрация отдаётся в грудной клетке. Из открытых ворот гаража вылетает низкая фиолетовая машина.

Спорткар проносится мимо меня на бешеной скорости. В лицо бьёт поток горячего воздуха. Пыль и мелкая крошка с дорожки летят в глаза. Рефлекторно зажмуриваюсь, закрываясь руками.

Когда я наконец открываю слезящиеся глаза и откашливаюсь от едкого запаха жжёной резины, от Кирилла остаётся только тающее вдалеке облако пыли.

Охренеть. Просто охренеть. И за это мне платят двести тысяч? Я не доживу и до конца недели.

Глава 13. Незваные гости

Бум. Бум. Бум.

Басы пробивают черепную коробку даже через перьевую подушку. Матрас мелко вибрирует.

Сдавленно матерюсь в темноту. Шаря рукой по тумбочке, нахожу телефон. Щурюсь от яркого экрана. 22:07. Жесть. Я успела провалиться в сон ровно на полчаса.

Скидываю одеяло. Натягиваю первые попавшиеся шорты. Майка перекручена, лямка сползла на плечо — плевать. Я иду убивать, а не на модный показ.

Выхожу в коридор. С каждым шагом вниз по лестнице звук бьет по барабанным перепонкам всё агрессивнее. Это уже не музыка, это физическая пытка.

На последней ступеньке замираю. Челюсть отпадает сама собой.

Охренеть.

Идеальный, стерильный холл первого этажа превратился во вписку для элитных торчков. Воздух вязкий от запаха дорогого алкоголя, чужого пота и сладковатого дыма. На персидском ковре валяются какие-то тела.

Девушки в платьях, которые больше похожи на широкие эластичные бинты. Парни с расстегнутыми до пупа рубашками. Какой-то хмырь с неоновыми волосами согнулся пополам и блюет прямо в китайскую напольную вазу. Династия

Мин, кажется? Отличное применение для антиквариата.

В углу парочка вообще забыла, где находится — девица оседлала парня прямо в кожаном кресле, ритмично подпрыгивая. Никому до них нет дела.

Где он?

Взгляд лихорадочно сканирует толпу и натывается на эпицентр этого хаоса.

Кирилл.

Развалился на огромном кожаном диване, раскинув руки по спинке. И вокруг него — целый цветник. Блондинка с накачанными губами монотонно массирует ему кожу головы. Рыжая жметя к правому боку. Брюнетка в серебристом нечто, едва прикрывающем задницу, устроилась почти на коленях. Её пальцы с длинными красными ногтями медленно, целенаправленно ползут по его бедру вверх. К ширинке.

А у него на лице — ничего. Абсолютный ноль. Взгляд остекленевший, направлен куда-то сквозь толпу, сквозь мигающий стробоскоп.

Внутри вспыхивает ярость.

Продираюсь сквозь толпу. Чей-то влажный локоть бьет по ребрам. На босые ступни льется что-то липкое, воняющее дешевой текилой и лаймом. Какой-то хмырь хватает за талию — быю по руке не глядя.

Останавливаюсь прямо перед диваном. Скрещиваю руки на груди, ногти впиваются в предплечья.

— Сворачивай этот цирк! — ору во весь голос, срывая

связки, чтобы перекрыть долбящий бас.

Кирилл переводит взгляд. Сканирует мои босые ноги, помятые шорты, съехавшую майку. Злое, раскрасневшееся лицо. В зелёных глазах вспыхивает откровенная, издевательская искра. Уголок губ дергается вверх.

— Не нравится плейлист? — хрипит.

Девицы синхронно поворачивают головы. Три пары нарощенных ресниц хлопают с одинаковым возмущением.

— Мне не нравится, что ты устроил притон в доме, где вообще-то спят люди! Я сплю!

Брюнетка в серебристом пренебрежительно фыркает, оглядывая меня с брезгливостью.

— Кир, это чё за мышь? — тянет манерно. — Ты вроде говорил, прислуга по ночам не отвечает. Скажи ей, чтоб свалила в свою каморку.

Прислуга.

Кровь приливает к ушам так резко, что бас на секунду глохнет. Хочется схватить недопитый стакан с виски со столика и выплеснуть прямо на её идеальную укладку.

Смотрю на Кирилла. Жду. Хоть слова. Хоть жеста.

А он молчит. Сидит, откинувшись на спинку, и просто наслаждается шоу. Сканирует моё лицо, ловит каждую микро-реакцию: как расширяются ноздри, как дергается веко, как я тяжело дышу. Мудак. Конченный мудак. Ему плевать на вечеринку. Это всё — одна большая декорация для того, чтобы вывести меня из себя.

— Кир, братуха! — какой-то парень с татуировкой на шее машет бутылкой от барной стойки. — Текила стынет!

Кирилл коротко кивает. Плавнo поднимается с дивана. Девчонки нехотя отваливаются от него.

Он делает шаг. Проходит мимо меня. Близко. Обдаёт жаром тела и запахом мяты с алкоголем. И даже не смотрит. Будто меня здесь просто нет.

Стою посреди орущей толпы. Трясет. Мелко, противно, от самых кончиков пальцев до челюсти.

Что делать? Пойти наверх, запереться и звонить его папочке? «Алло, Олег Григорьевич, ваш сыночек тут безобразничает». Ага. Блестящий план. Кирилл именно этого и ждёт. Это его послание. Яркий неоновый плакат: «Ты здесь никто. Собери вещи и свали».

Хрен тебе.

Разворачиваюсь на пятках. Перешагиваю через чьи-то вытянутые ноги. Игнорирую липкий пол и сальные взгляды. Иду к лестнице с прямой спиной.

Ступенька. Вторая. Третья. Басы постепенно остаются внизу. Воздух становится прохладнее.

Влетаю в свою комнату и с силой захлопываю дверь. Щёлкаю замком. Спиной сползаю по дереву на пол. Колени к груди. Обхватываю их дрожащими руками.

Дыши, Ангелина. Вдох. Выдох. Это просто манипуляция. Дешевая провокация. Ты клинический психолог, ты должна уметь это фильтровать.

В кармане шорт вибрирует телефон.

Вздрагиваю. Достаю аппарат. Светящийся экран режет глаза в темноте комнаты.

«Неизвестный номер»

Но почему-то я уверена, что это он. Дима.

Внутренности делают кульбит. Желудок сжимается. Большой палец зависает в миллиметре от красной кнопки. Сбросить. Заблокировать еще раз. Выключить телефон.

Но палец не двигается.

Почему? Какого хрена я не сбрасываю?

Всё просто. Мой мозг — конченный мазохист. Он ловит триггер одиночества и мгновенно подкидывает дофаминовые картинки из прошлого. Кофе по воскресеньям. Его теплый бок ночью. Сообщения «что купить на ужин?». Привычная, безопасная иллюзия. Мозгу плевать, что он обрюхатил другую. Мозг тупо требует дозы привычного эндорфина.

Глава 14. Не твоя забота

Свайп вправо. Подношу холодный пластик к уху.

— Да.

— Лина! Слава богу! — голос в динамике срывается на истеричный фальцет. — Ты вообще в своём уме?! Я обзвонил все больницы! Я твоей матери чуть не позвонил! Что за инфантильные выходки — собирать шмотки и растворяться в воздухе?!

Инфантильные выходки.

Внутри что-то с громким хрустом ломается. Тошнота подкатывает к самому горлу. Он трахает девку на нашем диване, называет меня «бракованной», а теперь я инфантильная?

— Оставь мою мать в покое, — выплевываю. Голос дрожит, но не от слёз. От бешенства.

— Тогда объясни мне этот цирк! — на заднем фоне слышен грохот, словно он пнул стул. — Геля, ты накрутила себя из-за одной глупой ошибки! Я был на стрессе, мы поссорились из-за твоей работы, она просто подвернулась под руку...

— Подвернулась под руку? — перебиваю, впиваясь ногтями свободной руки в колено до боли. — Она залетела от тебя, Дима! Ты гладил её по животу и называл это «нашей настоящей семьёй». Это не ошибка. Это твой осознанный выбор.

В трубке повисает вязкая пауза. Слышно только его тяже-

лое, свистящее дыхание.

— Ты... ты всё неправильно поняла, — начинает заводить шарманку, но теперь его тон становится вкрадчивым, липким. — Детка, она мне нахрен не сдалась. Это просто физиология. Спермотоксикоз, понимаешь? А люблю я тебя! Четыре года, Гель! Мы столько прошли!

— Сколько раз? — мой голос падает до мёртвого шёпота.

— Что?

— Сколько раз ты сбрасывал свой «спермотоксикоз» в неё, пока я колола себе гормоны в живот? Пока я рыдала на полу в ванной над пустой белой полоской? Вы смеялись надо мной? Обсуждали мои графики базальной температуры после секса?

— Заткнись! Не смей так говорить! — Дима внезапно срывается на крик. Агрессия прошибает его насквозь, как всегда, когда его прижимают к стенке. — Где ты сейчас?! Что там за музыка долбит?! Ты в клубе?! С кем ты успела снюхаться, дрянь?!

Зажмуриваюсь. Боже. Какой же он жалкий. Какой мерзкий. И я жила с этим человеком четыре года. Считала его своей опорой.

Краем глаза улавливаю движение. Вздрагиваю.

В дверном проеме стоит Кирилл.

Дверь же была заперта? Черт, я защелкнула замок, но, видимо, не до конца. Он опирается плечом о косяк. Руки скрещены на груди. В глазах — ни капли пьяного угара с вече-

ринки. Идеально трезвый, цепкий, сканирующий взгляд.

Сколько он тут стоит? Слушал?

— Лина, блядь, отвечай! — орет Дима в динамик так громко, что слова металлическим эхом разносятся по тихой комнате. — Я приеду и вытащу тебя оттуда за волосы! Ты моя баба, поняла?! Моя! Скажи адрес!

Сжимаюсь в комок. Не от страха перед Димой. От унижения. От того, что этот самодовольный мажор сейчас стоит и слушает, как меня втоптывают в грязь.

Кирилл отлипает от косяка.

Он не произносит ни слова. Просто делает три широких, бесшумных шага и оказывается прямо передо мной. Нависает.

Крупная ладонь протягивается ко мне. Пальцы раскрыты. Требовательный жест. Дай сюда.

Смотрю на его руку. На татуировку, выползающую из-под рукава. Мозг не успевает обработать логику — тело подчиняется инстинкту. Я разжимаю пальцы и отдаю ему свой телефон.

Кирилл подносит трубку к уху. На его губах расцветает ленивая ухмылка.

— Вечер в хату, Ромео, — его баритон звучит убийственно спокойно. С той самой вибрирующей хрипотцой. — Не знаю, кто ты по масти, но орёшь знатно. Аж уши закладывает.

В трубке на секунду воцаряется мертвая тишина. Потом

доносится сдавленный сип:

— Ты кто такой, блядь? Дай телефон Лине!

— Лине сейчас немного не до тебя, — Кирилл смотрит на меня сверху вниз, и в его зеленых глазах пляшут откровенные бесы. — У нас тут, понимаешь, очень интенсивная... терапия. С глубоким погружением. Она крайне занята.

Глава 15. Сеанс

Экран гаснет. Короткий щелчок, и истеричные вопли Димы обрываются, оставляя после себя звенящую тишину. Вернее, тишину относительную — снизу, сквозь перекрытия, ритмично долбят басы.

Кирилл пару секунд крутит мой телефон в руках. Длинные пальцы ловко перехватывают пластиковый корпус. Раз. Два. А потом аппарат небрежно летит на одеяло.

— И что это сейчас было? — мой голос срывается, звучит хрипло и жалко.

— Бесплатная услуга по утилизации мусора, — он пожимает плечами. — Благодарностей не нужно.

— Я тебя не просила вмешиваться! — злость вспыхивает мгновенно, выжигая остатки слёз. — Какого черта ты вообще заперся в мою комнату?! У вас тут в особняке понятие личных границ отсутствует как класс?

— Остынь, психологичка, — Кирилл делает шаг вперед, загоняя меня спиной к стене. От него пышет жаром, мятой и дорогим алкоголем. — Я зашел передать послание от спонсора нашего банкета. Папаша звонил. Интересовался, не сбегала ли его драгоценная инвестиция в первую же ночь.

— И что ты ему ответил? — вжимаюсь лопатками в прохладные обои.

— Сказал, что у нас полная гармония и мы уже перешли к

глубокой терапии, — он хмыкает. — Так что вытирай лицо и прекращай этот концерт по заявкам брошенных женщин.

А затем происходит то, от чего у меня мозг на секунду коротит. Этот самоуверенный гад просто разворачивается и идет к кровати. К *моей* кровати.

— Ты берега не попутал? — выдыхаю, чувствуя, как от возмущения колет кончики пальцев.

Реакции ноль. Он валится на матрас, закидывая руки за голову. Черная футболка ползет вверх. Взгляд, против моей воли, цепляется за полоску загорелой кожи, рельефный пресс и темную дорожку волос, уходящую под резинку низко сидящих джинсов.

Ангелина, смотри ему в глаза, а не на пах.

— Долго будешь там стоять? — Кирилл даже не утруждает себя тем, чтобы поднять веки. — Отрабатывай свой гоно-рар.

Левый глаз начинает мелко дергаться. Вдох. Выдох. Басы снизу бьют прямо по натянутым нервам. Черт с тобой.

На деревянных ногах дохожу до кресла. Сажусь, машинально одергиваю шорты, принимая максимально закрытую позу.

— И какой диагноз будем тебе ставить? Твой нарциссизм или полное отсутствие манер?

Он резко садится. Пружины матраса скрипят под его весом. Вся эта ленивая, вальяжная аура слетает с него за долю секунды. Зеленые глаза впиваются в мое лицо с такой прон-

зительной, тяжелой серьезностью, что внутри все стягивает ледяным узлом.

— Давай без твоих шаблонных тестов, — голос падает до вибрирующего баритона. — Скажи мне вот что... Если внутри просто глухая стена? Если ты смотришь на то, от чего другие режут или скачут до потолка, а у тебя — ни-хе-ра. Просто белый шум. Это клиника? Я социопат или просто бракованный?

Ого. Мой внутренний профиструмент только что подавился. Я ждала сальных шуток, провокаций, попыток раздеть меня взглядом. Чего угодно, только не этого оголенного провода.

— Отсутствие эмоционального отклика — это не приговор, — включаю профессиональный тон, хотя голос все равно немного дрожит. — Это часто просто блок. Предохранитель, который психика ставит после травмы, чтобы не сгореть. Но мне нужна конкретика. Что для тебя «белый шум»?

Между его бровей пролегает жесткая складка. На секунду он кажется не мажором-хозяином жизни, а потерянным мужчиной.

— Обычные вещи. Вся эта социальная шелуха, — он наклоняется вперед, упираясь локтями в колени. — Допустим, любовь. Или эта ваша привязанность. Забота. Люди готовы жрать стекло ради этого. А как понять, что это оно? Где гарантия, что это реальное чувство, а не просто... гормональный сбой? Привычка?

— Любовь... — слово застревает в горле колючим комком.

Мозг тут же подкидывает картинку: мы с Димой, выбираем этот треклятый серый диван. Он целует меня в макушку и говорит: «Здесь мы будем смотреть фильмы по вечерам, малыш». А я таю, как дура. Как последняя, наивная идиотка.

Сглатываю вязкую слюну.

— Это когда ты можешь выдохнуть, — чеканю слова, глядя Кириллу прямо в зрачки. — Когда снимаешь броню. Когда тебя на работе смешали с грязью, а ты думаешь только о том, как доберешься домой и уткнешься в чье-то плечо. И всё пройдет.

— А привязанность? — он ловит каждое слово. Сканирует мое лицо.

— Как фантомная боль, —правляю выбившуюся прядь за ухо. Пальцы ледяные. — Человек вплетается в твою рутину. Ты просыпаешься, а его нет — и тебя начинает физически ломать. Тремор. Незнестность сжирает изнутри.

Кирилл молчит. Его челюсть сжимается, под кожей перекатываются желваки.

— Допустим. Что насчет эмпатии? — требует.

Почему его это так кроет? Зачем ему ковыряться в этих определениях прямо сейчас, пока внизу девицы заливают в себя текилу?

— Эмпатия — это эхо, — подаюсь вперед, забыв про профессиональную дистанцию. — Резонанс. Ты видишь, как кого-то бьют под дых, и у тебя самого перехватывает дыхание.

Или кто-то рядом смеется так, что у него слезы текут, и ты начинаешь улыбаться, даже если минуту назад хотел сдохнуть. Граница между твоим «я» и чужим стирается. Ты чувствуешь чужое как свое.

В комнате повисает тяжелая, густая тишина. Басы снизу больше не раздражают — я слышу только, как бешено колотится кровь в собственных ушах.

Кирилл медленно, одним текучим движением поднимается на ноги.

— Занятно, — бросает ровным тоном. — Познавательная лекция, Ангелина Александровна. Деньги отработаны.

Он делает шаг к двери.

Внутри что-то обрывается. Желудок делает тошнотворный кульбит. Это как стоять на краю обрыва: кто-то только что держал тебя за руку, а потом вдруг разжал пальцы.

— Стой. Это всё? — слова вырываются сами. — Ты просто спросил и уходишь?

Кирилл замирает, уже взявшись за ручку двери. Поворачивает голову в профиль. На губах играет знакомая, ленивая полуулыбка, но в глазах — холод.

— Лимит времени исчерпан, — хрипит он. — Сладких снов. Постарайся больше не реветь из-за мусора.

Щелчок замка бьет по нервам.

Комната вдруг становится огромной и ледяной. Воздух как будто выкачали.

Падаю на кровать лицом вниз. Щека касается того места,

где он только что лежал. Простыня еще хранит тепло его тела. Ткань пахнет резкой мятой, чистой мужской кожей и чем-то неуловимо горьким.

Вдыхаю этот запах, до боли сжимая челюсти. Надо открыть окно. Иначе я здесь просто задохнусь.

Глава 16. Три дня тишины

Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать гребанных минут.

Ровно столько я существую в режиме призрака. Кирилл меня просто стер.

Первые сутки я слонялась по этому стеклянному мавзолею, как потерянная. На второй день мозг не выдержал вакуума, и ноги сами понесли меня наверх, к его спальне. Ручка поддалась легко. Внутри пахло его парфюмом. На полу — стопки книг, на стенах — черно-белые снимки. Токио. Нью-Йорк. Ни одного лица, только геометрия чужих улиц. Сбегает от людей в мегаполисы? Психика тут же начала подкидывать варианты диагнозов, но я одернула себя и сбежала обратно вниз.

Сейчас идет третий день.

Сажу в малой столовой. Передо мной тарелка с омлетом. Ирина Викторовна постаралась: яйца взбиты в идеальное облако, сверху — стружка черного трюфеля. Запах такой насыщенный, что подкатывает тошнота. Смотрю на это кулинарное совершенство и понимаю, что отдам что угодно за шкварчащую на старой сковородке яичницу. С подгоревшим краем и дешевым кетчупом.

Справа от тарелки лежит мой рабочий блокнот. На чистом листе выведено: «План терапевтического контакта».

Под ним — зачеркнутые строчки. Ниже я просто нарисовала профиль Кирилла. И пририсовала ему рога.

Пять лет универа, красный диплом, чтобы рисовать рога-тики пациенту за обеденным столом.

Столешница мелко вибрирует. Экран телефона загорается. «Орлов О.Г.».

Желудок делает сальто. Сглатываю вязкую слюну и жму зеленую кнопку.

— Да, Олег Григорьевич. Доброе утро.

— Ангелина Александровна. Надеюсь, мой сын еще не разнес дом и вашу нервную систему? — голос у старшего Орлова сухой, деловой.

— Пока обходимся без жертв, — натягиваю на лицо профессиональную улыбку, хоть он её и не видит. — Процесс идет.

— Идет? Мне нужны конкретные результаты, а не абстрактный процесс. Он идет на контакт?

Серебряная вилка в моей руке ощущается как кусок льда. Врать — это искусство.

— Мы находимся на стадии анализа личных границ. Кирилл... берет паузу для осмысления нашего последнего разговора. Это нормальная реакция сопротивления.

— Сопротивления, значит, — Орлов хмыкает. — Отлично. Пусть сопротивляется. У меня для вас новости. Арабы затягивают подписание бумаг. Я застрял в Дубае минимум на две недели.

Вилка с противным звоном падает на фарфоровую тарелку. Две недели?!

— Я вас поняла... — выдавливаю из себя.

— Ваш гонорар за этот период будет удвоен. Сумму переводят сегодня. Продолжайте в том же духе. До связи.

Короткие гудки.

Удвоен. Черт возьми. Это же... это огромные деньги.

Бросаю телефон на стол. Экран не гаснет, подсвечивая панель уведомлений. Иконка мессенджера ломится от непрочитанных. Все от Димы.

Рука сама тянется к пластику. Свайп.

«Геля, ответь! Что за хер брал твою трубку?!»

«Я все объясню. Алина сама напрыгнула, я был пьян. Это ни хрена не значит!»

«Я без тебя сдохну. Возвращайся домой.»

Сама напрыгнула.

Злость вспыхивает где-то в районе солнечного сплетения и бьет прямо в мозг. Напрыгнула? А он, бедняжка, поскользнулся и случайно упал в нее? Несколько раз подряд, пока она не залетела?

Блокирую экран. Отшвыриваю телефон на другой конец стола.

Какая же я жалкая. Сижу в чужом золотом склепе, жую трюфели, читаю сопливое вранье мудака, который вытирал об меня ноги, и жду... Жду, когда местный принц соизволит обратить на меня внимание.

Он игнорит меня? Проверяет на прочность? Думает, я буду тихо сидеть в своей комнате и отрабатывать папочкин гонорар?

Резко отодвигаю стул. Ножки мерзко скрипят по паркету.

К черту классическую терапию. Если пациент выстроил бетонную стену, стучаться в нее бесполезно. Нужно брать кувалду.

Разворачиваюсь и быстро иду к лестнице. В голове уже крутится план. Дурацкий, непрофессиональный, абсолютно сумасшедший. Но мне нужна реакция. Любая. Иначе я в этом идеальном доме просто свихнусь.

Глава 17. Должна же я его зацепить!

Смотрю на свое отражение в ростовое зеркало, и внутри всё скручивается от стыда. Черт. Это не платье. Это лоскут ткани, который держится на теле исключительно за счет силы трения и какой-то матери. Черный шелк обтягивает бедра так, что виден контур кружевного белья. Вырез заканчивается где-то в районе солнечного сплетения.

Выгляжу как элитная эскортница на выезде. Полчаса назад этот план казался гениальным: выбить Кирилла из колеи, спровоцировать, заставить хоть как-то отреагировать. Сейчас я просто чувствую себя идиоткой.

Делаю глубокий вдох. Ткань на груди опасно натягивается. Назад дороги нет.

На негнущихся ногах спускаюсь в гостиную. Каблуки-шпильки предательски щелкают по паркету. Сажусь на кожаный диван. Подол тут же ползет вверх, оголяя бедра почти до самого основания. Судорожно дергаю шелк вниз. Бесполезно. Сантиметров не хватает физически.

Закидываю ногу на ногу. Пытаюсь принять расслабленную позу. Минута. Три. Десять.

В доме тишина. Наверное, он вообще уехал. Я тут сижу, раскорячившись на диване в наряде порнозвезды, а он где-

нибудь в клубе снимает очередную...

Глухой щелчок входной двери. Шаги.

Желудок мгновенно стягивает в тугой узел. Ладони становятся мокрыми.

Кирилл появляется в дверном проеме. Он в расстегнутой куртке, волосы растрепаны ветром. Делает шаг в комнату. Замирает.

Его взгляд падает на меня. Зеленые глаза проходятся от острых мысков моих туфель вверх. По голым ногам. По задравшемуся подолу. По вырезу. И наконец, останавливаются на моем лице.

В комнате резко становится душно.

— Хэллоуин вроде не скоро, — его голос звучит хрипло. Уголок губ дергается в откровенной усмешке. — Или ты решила подработать в эскорте в свободное от психоанализа время?

Краска заливает щеки так, что, кажется, сейчас пойдет дым.

— Просто решила сменить гардероб, — заставляю себя не отводить взгляд. Голос предательски дрожит. — Надоело ходить в мешках.

Кирилл отбрасывает куртку на кресло. Медленно, по-кошачьи плавно, направляется ко мне.

— Да неужели? — он останавливается прямо передо мной. Слишком близко. Приходится задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. — И какой был расчет? Я захожу, у

меня отпадает челюсть, и я начинаю пускать слюни на твое декольте? Дешёвый трюк, психологичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.